

*Первая публикация в книге:
Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. Материалы грузино-абхазской конференции.
Конобеево (Московская область). Август 1999 г.
Ирвайн, 2000.*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АБХАЗОВ НА ФОНЕ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

Георгий Анчабадзе

В этнополитических конфликтах, как правило, присутствует историческая тема, как важная составляющая часть. Противоборствующие стороны стараются исторически обосновать справедливость своих требований и при этом затрагивают проблемы как непосредственно касающиеся генезиса и развития этнополитического противостояния, так и имеющие к ним весьма отдаленное отношение.

Так каждый конфликт имеет длительную предысторию, которая нередко насчитывает десятки, а то и сотни лет, когда между народами или народом и государством с другой этнической основой накопились противоречия, происходили столкновения, приводившие к формированию устойчивой межэтнической розни. Факты этого противостояния, освещаемые с диаметрально противоположных позиций, служат основными материалами в информационной борьбе. В таких случаях вольное обращение с историей и вольная интерпретация исторических фактов – весьма характерное явление. Примечательно также, что со стороны некоторых историков, участвующих в информационном противоборстве, наблюдаются попытки удревнить конфликт; искать его истоки и проявления в такие отдаленные исторические периоды, когда объективно не существовало реальных условий для развития этнического противостояния.

Другой круг вопросов, также вызывающий ожесточенную полемику – эта проблема этнической принадлежности древнего населения спорных территорий. Конфликтующие стороны стремятся таким путем доказать свои эксклюзивные права на спорные земли, хотя известно, что представители международных организаций, для которых, в первую очередь, предназначается эта информация (на этапе, когда конфликт уже становится предметом внимания ООН и ОБСЕ) мало интересуются проблемами далёкого прошлого. Нам представляется, что "историзм" такого рода особенно характерен для постсоциалистических обществ (бывшего СССР, Югославии и др.), где до недавнего времени вся общественная активность находилась под жёстким идеологическим контролем и лишь в вопросах древней и средневековой истории (т.е. до эпохи возникновения марксизма) допускалась относительная свобода мысли. В таких условиях национально-патриотические идеи находили выражение преимущественно в историографии, а также в искусстве и литературных произведениях, посвященных исторической теме. Интеллектуальные элиты народов Советского Союза, лишённые своей государственности и возможности открыто обсуждать и решать национальные задачи в поисках "народного духа" обращались к истории, что закономерно приводило к ее некоторой мифологизации. Этот момент, пожалуй, особенно заметен на Кавказе, народы которого прошли многовековой исторический путь и где привязанность к родной земле проявляется во всём многообразии духовной жизни. Поэтому, на Кавказе, для общественного мнения, самым действенным аргументом в территориальном споре

между народами является не государственная принадлежность спорных земель или современный состав их населения, а ответ на вопрос: какой этнос проживал тут изначально?

Историческая составляющая этнических конфликтов – основной предмет информационной борьбы на ранних стадиях межнационального напряжения, пока собственно конфликт еще находится в латентном состоянии и сохраняет определенную остроту даже в тех случаях, когда переходит в открытое военно-политическое противостояние.

Грузино-абхазский конфликт в этом отношении можно назвать классическим. Его историческая составляющая настолько четко выделяется из общего контура, что неискушенному наблюдателю может показаться его основной причиной. Тем более, что исторические проблемы в 50-70-х годах несколько раз служили в Абхазии катализатором для небывалых в СССР межнациональных кризисов. В настоящий момент, на фоне произошедших военно-политических событий, историческая тема, естественно, отошла на задний план. Она далеко уже не играет той роли в формировании общественно-политического климата как 10-12 лет тому назад. Частично это вызвано и фактическим отделением Абхазии от Грузии, в результате которого между ними прекратился широкий информационный обмен. Сегодня можно сказать, общественность Абхазии уже не в курсе того, что пишут в Тбилиси, и наоборот. Тем не менее интерес к полемическим вопросам истории Абхазии достаточно велик. Главным предметом этого политизированного научного спора по-прежнему остаётся вопрос этнической характеристики древнего населения Абхазии. Споры ведутся также вокруг этнополитической характеристики Абхазского царства – феодального государства в Западной Грузии VIII-X вв. Мнения грузинских и абхазских ученых по этим вопросам становятся всё более противоречивыми. Надо полагать, что их позиции не станут ближе до тех пор, пока между грузинами и абхазами сохраняется конфликтная ситуация. Между тем, когда грузино-абхазские взаимоотношения еще не носили такой напряженный характер, исторические проблемы не вызывали острой реакции. Выводы грузинских и абхазских ученых часто совпадали друг с другом. Грузинские специалисты вносили большой вклад в деле изучения языка и истории абхазов. Далее мы предлагаем краткий историографический обзор; рассмотрим основные взгляды, существующие в научной литературе относительно этнической принадлежности древнего населения Абхазии и происхождения абхазского народа. Размер статьи, а также ее характер, не позволяют широко комментировать ту или иную теорию, хотя автор, разумеется, оставляет за собой право в отдельных случаях высказывать своё суждение.

* * *

Проблема происхождения народов является одним из самых сложных вопросов исторической науки. Для его решения необходимо использовать данные разных научных дисциплин – истории, археологии, этнографии, языкознания, антропологии, фольклористики и др.

Важным обстоятельством, которое необходимо учитывать при решении вопроса происхождения абхазов, является их генетическая принадлежность и кавказской ("палеокавказской") этнической семье, подразделяющейся на три основные ветви: западную, или абхазо-адыгскую (абхазы, абазыны, адыгейцы, черкесы, кабардинцы); восточную, или нахско-дагестанскую (чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины и др.) и южную, или картвельскую, в которую входят

грузины, народ состоящий из трех основных субэтнических групп: карты, мегрело-чаны и сваны.

Представители кавказской этнолингвистической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа (отсюда и название – "палеокавказские"). Впрочем, здесь следует отметить, что некоторые языковеды отрицают генетическое родство между картвельскими языками с одной стороны, и языками абхазо-адыгской и нахско-дагестанской групп, объединения двух последних в единую северокавказскую семью. Таким образом, по мнению этих авторов на Кавказе в настоящий момент представлены две коренные, но не родственные между собой семьи языков – картвельская и северокавказская¹. Эта мысль, в частности, проводится в новом учебном пособии "История Абхазии" (1993 г.), однако, нам кажется пока рано окончательно отбрасывать теорию об этническом родстве всех палеокавказцев. Совершенно прав академик И. Джавахишвили указывая, что это родство подтверждается не только лингвистическими, но и самыми разнообразными историческими материалами.

Вопрос о раннем этногенезе абхазского народа не раз ставился в специальной литературе XIX – первой пол. XX в. Одной из распространенных в прошлом теорий, происхождения абхазов являлась т.н. эфиопско-египетская теория, согласно которой древние колхи и вместе с ними предки абхазов переселились на Кавказ из Северо-Восточной Африки (Б.Нибур, П.Услар, Д.Гулиа и др.).

Другая теория выводила абхазов с Северного Кавказа. Причем по мнению одних авторов, это якобы произошло еще в античную эпоху (М.Кисслинг, А.Сванидзе и др.), а по мнению других – лишь в период позднего средневековья (А.Дьячков-Тарасов).

Третья миграционная теория происхождения абхазов выводит их предков из Малой Азии и непосредственно примыкающих к ней районов Юго-Западного Закавказья (А.Глейе, Н.Марр и др.). Ниже увидим, что предположения о древних связях абхазо-адыгов с Малой Азией, вовсе не лишены научной обоснованности.

Наконец, существует также гипотеза, согласно которой абхазо-адыгские племена в далёком прошлом пришли из Малой Азии в Западное Закавказье, откуда переселились на Северный Кавказ и лишь в первых веках н.э. предки абхазов снова вернулись в Закавказье и заняли территорию современной Абхазии (И.Джавахишвили)².

Против миграционных теорий высказался ряд ученых, которые настаивали на автохтонности предков абхазского народа (А.Фадеев, Б.Куфтин и др.).

С 1920-х гг. изучение истории Абхазии принимает более систематический характер. Прежде всего тут следует назвать книгу основоположника абхазской литературы и ученого Д.Гулиа "История Абхазии" (1925 г.), являющейся первой попыткой монографического исследования истории Абхазии с древнейших времен по X в. н.э. Общеизвестны также заслуги академика Н.Марра в абхазоведении. Но на подлинно научную, прочную основу изучение истории Абхазии и абхазского этноса поставили в своих фундаментальных работах выдающиеся грузинские историки И.Джавахишвили и, особенно, С.Джанашиа.

Еще П.Услар в XIX в., а затем некоторые другие специалисты (А.Глейе, А.Грен) обратили внимание, что определенные топонимические реалии из Юго-Восточного Причерноморья объясняются из абхазо-адыгских языков. Дальнейшие работы по исследованию древней и современной топонимии Западной Грузии, западно-картвельских языков (мегрело-чанского и сванского), а также других историко-филологических источников, привели ученых к мысли, что некогда значительную часть территории Западной Грузии и прилегающих к ней областей Малой Азии,

занимали абхазо-адыгские племена (И.Джавахишвили, Н.Март, С.Джанашиа, А.Чикобава, А.Ушаков и др.). В советской и грузинской историографии эта теория была широко распространена до конца 80-х гг. (И.Дьяконов, О.Джапаридзе и др.).

Сказанное разумеется не означает, что этнический состав населения Юго-Восточного и Восточного Причерноморья в древности не менялся. В тесном соседстве с абхазо-адыгами проживали картвельские племена. По мнению С.Джанашиа, картвелы, в частности, мегрело-чачанские этнические элементы, в определенный период занимали также и Абхазию, и воспоминания об этом сохранились в абхазском фольклоре в виде мифа о карликах-ацанах – древних насельниках горной Абхазии. И.Джавахишвили, как отмечалось, также полагал, что предки абхазов какое то время концентрировались на Северном Кавказе и вернулись обратно лишь на рубеже н.э.

Вышеприведенные мнения ученых до середины XX в. не выходили, как и положено, за рамки сугубо академической сферы, несмотря на то, что уже некоторое время подспудно накапливались противоречия в грузино-абхазских взаимоотношениях. К сожалению, резкий перелом в этом отношении наступил в середине XX в. Вопросы истории Абхазии за короткий срок политизировались; стали предметом митинговых страстей и "кухонного" разбирательства. Связано это явление, не в последнюю очередь, с именем грузинского ученого П.Ингоркв.

* * *

П.Ингорква, литературовед по своей основной специальности, в начале 50-х гг. выпустил объемистый труд "Георгий Мерчуле – грузинский писатель X в"., в которой выдвинул новую концепцию происхождения абхазов, перечёркивающую фактически всё, что было написано до него на эту тему. Содержание этой теории сводится к тому, что якобы исторические абхазы, хорошо известные по греко-римским, византийским, грузинским, армянским и другим источникам – этнически были грузинами, а современные абхазы – потомки адыгских племен, захвативших во второй половине XVII в. северо-западную часть Грузии – Абхазию. Пришельцы, якобы, вытеснили или ассимилировали коренных обитателей края – грузин, но при этом восприняли их имя³.

Чтобы понять каким это было ударом для национального самоощущения абхазов, необходимо знать морально-политическую обстановку, царившую тогда в автономной республике.

В 40 – начале 50-х годов (до смерти Сталина) в Абхазии в административном порядке проводилась грубая политика грузинизации. В 1946 г. были закрыты абхазские школы и по всем предметам ввели преподавание на грузинском языке, которого многие абхазские дети не знали, оставшись, таким образом, вне школы. В результате целенаправленной переселенческой политики удельный вес абхазов среди населения Абхазии к 50-м годам упал до 15 процентов. (в 1926 г. абхазы еще составляли 27.8 процента населения республики). Активно проводилась грузинизация топонимии Абхазии. Абхазов вытесняли из руководящих органов. Наметились необоснованные попытки объявления абхазского языка одним из картвельских языков. Д.Гулиа заставили отречься от его книги "История Абхазии". От имени писателя была издана брошюра, в которой проводится мысль, что "абхазы, собственно, те же грузины".

Разумеется в этих противоправных действиях нельзя обвинять грузинский народ, подавляющая часть которого даже не ведала тогда что творилось в Абхазии (да и сегодня тоже далеко не все знают об этом). Необоснованы также попытки

провести прямую линию между бериевцами, орудовавшими в Абхазии в конце 30-начале 50-х гг., и деятелями грузинского национального движения рубежа XIX-XX вв. в лице Я.Гогебашвили и других, призывавших грузин переселяться в Абхазию, опустевшую в результате махаджирства 1870-х годов, как это иногда делается в информационных материалах абхазской стороны.

Политика, проводившаяся в Абхазии формировалась в Москве. В 30-40-х годах в СССР многие малочисленные народы подвергались жесткой дискриминации по этническому признаку, вплоть до депортации с исторической родины или формального интегрирования в другие, более крупные этносы. Может быть, "Отец Народов" считал эту меру первым шагом на пути к будущему слиянию всего населения Союза в единую советскую нацию? Но всё же не следует забывать, что ущемление прав абхазов проводилось руками грузинских партийных функционеров и под флагом грузинизации. Открытое и громкое признание этого факта помогло бы грузинской стороне еще раз морально дистанцироваться от проводников кремлевской политики, лучше понять причины некоторых последующих явлений.

Таким образом, книга Ингороква (публикация ее отдельных частей началась в 1949 г., а целиком весь том вышел в 54-ом) как бы отнимала у абхазов историческое прошлое. Это был своего рода "историографический" удар по народу, переживающему один из самых критических моментов своей истории и особенно болезненный от того, что противопоставить этому удару, фактически, было нечего. Несмотря на уже проделанную определенную работу по изучению древней и средневековой истории Абхазии, еще не существовало монографических исследований или обобщающих трудов на современном научном уровне, посвященных этим важнейшим периодам истории Абхазии.

Думается, что книга Ингороква, выйдя она в свет в другое, более спокойное время, стала бы лишь предметом научного разбирательства и сегодня мало кто помнил бы о ней, как не помнят уже биографию Шота Руставели, сочиненную П.Ингороква, или прочитанные им с помощью грузинского языка письма древних хеттов. Но в тот злополучный период эта публикация стала для абхазов последней каплей и их возмущение стало принимать неадекватные формы. Теория Ингороква превратилась в предмет нагнетания страстей.

Грузинскую научную и творческую интеллигенцию также волновал этот вопрос. Тут отношение к работе Ингороква было неоднозначным. В это время уже не было в живых И.Джавахишвили и С.Джанашиа, которым, может быть удалось бы своим огромным авторитетом поставить всё на круги своя, другие историки же (Н.Бердзенишвили, В.Дондуа) хоть и пытались как-то повлиять на Ингороква, не смогли этого добиться. Вообще большинство кавказоведов – историки, этнографы, лингвисты – понимали, что новая теория в корне неверна, и она может негативно отразиться на грузино-абхазские взаимоотношения. Зато теория Ингороква была с энтузиазмом подхвачена другой группой интеллигенции; среди них были и видные ученые, однако неспециалисты в области абхазоведения, а также многие писатели (?!). Для них П.Ингороква стал истинным национальным деятелем.

На точку зрения этих лиц не повлияло и то, что в печати появились негативные рецензии на "География Мерчуле", написанные специалистами – грузинами и абхазами – Н.Бердзенишвили, К.Ломтатидзе, З.Анчабадзе, Х.Бгажба и др., в которых основные положения Ингороква, касающиеся истории Абхазии, подвергались глубокой и всесторонней критике. Более того, в глазах своих поклонников Ингороква приобрел ореол мученика, которого наказывали за его патриотическую позицию. При этом обвиняли грузинских историков, которые

якобы под давлением властей не поддержали новую теорию. Однако, совершенно прав проф. Н.Ломоури, который в своей книге "Симон Каухчишвили" пишет по этому поводу: "Грузинские историки не поддержали Павле Ингороква не потому, что испытывали давление каких-то сил, а потому, что невозможно было его поддержать с позиции научной объективности".

Хотя грузинская историография уже в 50-е гг. в принципе отвергла теорию П.Ингороква, вопросы истории Абхазии и, в частности, проблемы этнической характеристики его древнего населения стали предметом определенной напряженности в грузино-абхазских взаимоотношениях. Не случайно, в массовых выступлениях абхазов в 1967 и 1978 гг. четко прослеживается "историографическая" тема.

* * *

С конца 50-х годов начинается новый этап в разработке проблем истории древней и средневековой Абхазии. В 1959 г. была опубликована монография З.Анчабадзе "Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.)" – первая фундаментальная работа, в которой доказывается автохтонность абхазского народа, изучены вопросы образования абхазской феодальной народности и проблемы этнического состояния абхазского народа в средние века. Спустя несколько лет вышла другая книга того же автора "История и культура древней Абхазии", где также впервые в историографии были обобщены "материалы разнообразных источников и достижения смежных исторических наук по истории и культуре Абхазии с древнейших времен до V в н.э. В работе особое внимание уделяется вопросам происхождения древнеабхазских племен, обосновывается глубокая древность абхазского этноса на территории исторической Абхазии" (А.Куправа). Важным вкладом в развитие абхазоведения явилась книга Ш.Инал-ипа "Абхазы (историко-этнографические очерки)", вышедшая первым изданием в 1960 г. Национальные научные кадры (М.Трапш, К.Шакрыл, Х.Бгажба и др.) плодотворно работали также в археологии, языкознании и других смежных дисциплинах, изучающих происхождение абхазского народа, его древнюю и средневековую историю.

В собственно грузинской историографии от конца 50-х до второй пол. 80-х гг. специальной разработке вопросов истории Абхазии уделялось меньше внимания. Отдельные проблемы истории Автономной республики рассматривались тут в общих работах по истории Грузии.

Грузинские и абхазские ученые в целом сходились в том, что абхазо-адыгские и картвельские племена с древнейших времен заселяли западную часть Кавказа и прилегающие районы Малой Азии, что разумеется не исключало в те или иные периоды передвижения отдельных племен как с юга на север, так и в обратном направлении (З.Анчабадзе, О.Джапаридзе, Г.Меликишвили, Ш.Инал-ипа, Р.Гордезиани, Г.Гиоргадзе и др.). Споры (разумеется в академической форме) велись в основном по вопросам этнической характеристики отдельных племенных коллективов, а также времени и условий формирования абхазской народности.

Территория современной Абхазии во второй половине I тыс. до н.э. входила в состав большой политико-географической области, известной в античных источниках как "Колхида", а всё ее население обозначалось общим именем "колхи", по названию ведущей народности. Однако необходимо уточнить, что эти термины использовались древними авторами в двояком значении. В узком (этническом) значении под колхами подразумевались предки современных мегрелов, которые с

позднеантичной эпохи выступают уже под именем "лазов". Территория их расселения локализуется на Колхидской низменности с центром в долине р. Риони. В широком же значении, когда под Колхидой подразумевалась обширная страна, раскинувшаяся по побережью, примерно, от Питиунта (Пицунда) до Трапезунта, а в глубине – до Главного Кавказского хребта, Колхида понималась как географическая единица, объединяющая ряд племен, среди которых кроме собственно колхов, были и другие картвельские группы, а также, по всей видимости, и некартвельские племена, в частности, абхазо-адыгские (Г. Меликишвили, Н. Ломоури и др.). Поэтому, при выяснении этнической принадлежности того или иного колхидского "племени" никогда не следует упускать из виду двойкий смысл термина "колхи" и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о котором античных писатель сказал, что она является "колхским племенем" (З. Анчабадзе).

В последних веках до н.э. на территории Абхазии и прилетающих к ней землях античные источники называют ряд этноплеменных объединений, однако сведения об этих группах населения настолько скудны и расплывчаты, что сказать что-нибудь определенное об их языковой принадлежности невозможно. Поэтому, не правы те авторы, которые пытаются скопом причислить их всех к картвельской (грузинской) или абхазской этнической среде.

В первых веках н.э. на побережье исторической Колхиды появляются новые этнические названия – лазы, апсилы, абазги и саниги, образовывавшие раннегосударственные объединения, зависимые от Римской империи. Исходя из данных Арриана (II в.) лазы локализовались по берегам Фазиса (Риони), примерно, до Ингури на севере; далее к северо-западу проживали апсилы; затем абазги до г. Севастополя (Сухуми), находившегося уже в землях санигов; владения последних распространялись до р. Ахеунт (Шахе?).

Границы этих этнополитических объединений не были постоянными. В III-IV вв. в связи с усилением лазов, апсилы теряют территорию современного Гальского и, частично, очамчирского районов, но в свою очередь вместе с абазгами оттесняют санигов за р. Бзыбь.

Таким образом, к середине I тыс. н.э. в современных границах Абхазии с юга на север проживали следующие "территориальные племена", или раннефеодальные народности: часть лазов (примерно, до р. Галидзга), апсилы (от Галидзги до Гумисты), абазги (от Гумисты, примерно, до Гагры) и, далее, саниги. В VI в. появляются также сообщения о горном племени мисимиян, которых большинство исследователей локализует в верхней части Кодорского ущелья, выше апсилов.

По вопросу этнической принадлежности лазов в науке существует однозначное мнение, что они являлись племенем мегрело-чанской ветви картвельской общности, прямыми предками современных мегрелов.

Относительно апсилов и абазгов вначале также не было разногласий. Еще Н. Марр, И. Джавахишвили, С. Джанашиа и другие ученые в первой половине XX в. единогласно признавали их племенами абхазо-адыгского этнического корня. Можно было только спорить, исконно они проживали на побережье Абхазии или спустились с гор в I-II вв. н.э. В начале 50-х гг., П. Ингорюк попытался объявить их картвелами, но его не поддержали не только специалисты-абхазы, но и большинство грузин. В дальнейшем в грузинской историографии вплоть до начала 90-х гг. не было серьезных попыток пересмотреть эту точку зрения. Действительно, как свидетельствует вся последующая история, апсилы и абазги находились в прямой генетической связи с абхазским народом. К терминам "апсил" и "абазг"

восходят самоназвания современных абхазов и абазин – "апсуа" и "абаза", являющиеся фонетическими вариантами одного и того же этнонима с общим корнем "пс"- "бз".

В Грузинских письменных источниках синонимом термина "апсил" выступает "абшил", а "абазга" – "абхаз". К VIII в. усилившееся княжество абазгов (абхазов) абсорбировало соседние мелкие народности, – санигов, апсилов, мисимиян, распространив на них свое имя. Отныне в исторических источниках объединенная страна именуется Абхазией, а его население – абхазами, из-за ведущей политической роли абхазов (абазгов). Однако, в основу формирования единого языка абхазской народности лег, очевидно, апсильский диалект. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что имя апсилов стало самоназванием абхазской народности – "апсуа".

Сложнее обстоит дело с этнической идентификацией санигов и мисимиян, довольно рано исчезнувших с исторической арены. Письменные источники по этому поводу не сообщают, практически, ничего такого, что помогло бы с уверенностью решить эту проблему, поэтому, ученые оперируют в основном результатами фонетического анализа этнонимов и некоторыми другими косвенными доказательствами.

Так, например, санигов объявляли сванами (Н.Марр, И.Орбели, С.Каухчишвили, Д.Гулиа, Г.Меликишвили, Д.Мухелишвили и др.), мегрело-чанами (С.Джанашиа, П.Ингороква, Н.Ломоури и др.) либо связывали с абхазским племенем садзов, обитавшим до 1864 г. на территории древней Санигии (А.Дьячков-Тарасов, З.Анчабадзе, Ш.Инал-ипа, М.Гунба и др.). Как видим, исследователи-грузины склонны видеть в санигах картвельское племя (сванское либо мегрело-чанское), а абхазы (за исключением Д.Гулиа) – абхазское.

Слабой стороной позиции сторонников картвелоязычности санигов является отсутствие у них единого мнения в вопросе племенной принадлежности санигов – они были сваны или мегрело-чаны? Без окончательного решения этого вопроса нельзя с уверенностью говорить о принадлежности санигов к картвелоязычному миру.

В последние годы, М.Инадзе, как бы сглаживая это противоречие, выдвинула предположение будто в восточной части княжества санигов проживали сванские, а в западной части – мегрело-чанские племена. Хотя эта точка зрения уже нашла поддержку среди грузинских историков (Н.Ломоури), нам она кажется недостаточно аргументированной.

Кроме того, М.Инадзе, оспаривая мнение об идентичности санигов и садзов, отмечает, что сторонники этого мнения "упускают из виду, что в специальной литературе и источниках садзы на вышеуказанной территории упоминаются лишь с позднего средневековья – XVII в."

На это можно сказать следующее:

1) неупоминание в источниках той или иной этнической единицы отнюдь не означает, что ее не было на рассматриваемой территории; тем более, если эта территория, как Гагра-Сочинский сектор – район расселения садзов, сравнительно редко попадала в поле зрения древних и средневековых авторов;

2) тем не менее, мы полагаем, что садзы, под этим именем, зафиксированы у черноморского побережья гораздо раньше XVII века, в частности, упоминаемое Стефаном Византийским (VI в.) "сазы, племя (живущее) вдоль Понта", по всей видимости, позднейшие садзы, входившие, вероятно, в объединение санигов;

3) садзы, наряду с другими западноабхазскими племенами, выступают в грузинских летописях, при описании событий XIII-XVIII вв., под собирательным именем "джики", поэтому, в русских документах XIX в., под влиянием грузинской формы, для обозначения садзов появляется термин "джикеты".

Спорным является также вопрос об этнической принадлежности мисимиян. Грузинские историки в основном доказывают, что мисимияне – одно из сванских племен (С.Каухчишвили и др.), а абхазы (Ш.Инал-ипа и др.) скорее видят в мисимиянах племя абхазского этнического корня, особенно близкое апсилам.

Не вдаваясь в подробности аргументации той или другой стороны отметим, что вопрос этот не может считаться окончательно решенным, хотя присутствие сванских этнических элементов в юго-восточной горной части Абхазии в I тысячелетии н.э. представляется вполне возможным. Что же касается дальнейшей этнической судьбы мисимиян, то в процессе консолидации абхазской феодальной народности они вошли в ее состав и явились непосредственными предками цабалодальской ветви абхазов, обитавшей на землях исторической Мисиминии до второй пол. XIX века (З.Анчабадзе).

* * *

Как было сказано, грузинская историография второй половины 50-х и начала 60-х гг. в целом отвергли теорию Ингороква об этническом характере смены населения в феодальной Абхазии, но тезис о миграции абхазо-адыгов с Северного Кавказа, остался. Дело представляется таким образом, будто, "древние" абхазы в языковом отношении мало отличались от "современных", но в культурно-политическом плане были органической частью феодальной Грузии. Автор этой концепции акад. Н.Бердзенишвили убедительно сформулировал свои мысли о месте и роли средневековых абхазов в грузинском феодальном мире, особо подчеркнув, что в строительстве грузинского государства с ролью абхазов может сравниться роль далеко не каждого грузинского племени. Затем, по мнению Н.Бердзенишвили, в результате хронического упадка, который наступил в Грузии в эпоху монгольского господства (XIII в.), и, особенно, после распада единого Грузинского царства (XV в.), сложились условия для переселения горских племен из Закубанья в Абхазию. Ученый считал, что переселение происходило отдельными волнами с XIII по XVII-XVIII вв. Ввиду того, что в этническом плане мигрировавшие в Абхазию племена мало отличались от основной части местного населения, легко произошло их смешение и консолидация, причем, привнесенные горцами незрелые социально-политические институты (ранний феодализм с сильными пережитками общинно-родовых отношений), хозяйственный тип (скотоводство) и религиозные верования (язычество), способствовали культурной деградации Абхазии и ее частичному отрыву от более передовой грузинской феодально-христианской культуры.

Разделяя мнение Н.Бердзенишвили о характере грузино-абхазских взаимоотношений в феодальную эпоху, нам трудно согласиться со второй частью его концепции, где он объясняет состояние позднесредневековой Абхазии массовой иммиграцией горского населения. Здесь, на наш взгляд, есть ряд недоказанных и спорных положений. Ученый часто руководствуется аналогиями из других частей Грузии, в то время как в Абхазии, фактически, дело обстояло иначе. Тезис о частых переселениях с Северного Кавказа не находит подтверждения в письменных источниках. Миграции с севера на юг и в обратном направлении конечно имели место, как и во многих других частях Грузии и Кавказа, но в Абхазии XIII-XVIII вв. явно превалировал процесс оттока населения с юга на север, т.е. из Абхазии на

Северный Кавказ, нашедший свое отражение в разнообразных исторических источниках, в том числе, и письменных (сообщения авторов XVII-XVIII вв. Эвлия Челеби, Главани, Пейсонеля, Гюльденштедта, Рейнегса, Палласа). Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской этнической общности, которые впоследствии сформировались в самостоятельный абазинский народ.

Трудно согласиться также с мнением будто в XVII в. абхазы занимались в основном экстенсивным скотоводством а не земледелием, что якобы указывает на их недавнее переселение с гор. Как установлено в специальной литературе в XVII-XVIII вв. основными видами занятий населения Абхазии были: земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и разные формы ремесел (Н.Антелава). Примечательно, что термин "анхаю", обозначающий основную категорию крестьян в феодальной Абхазии, ближе всего переводится словом "земледелец" (Г.Дзидзария).

Что касается архаических религиозных верований и этнографических реалий, засвидетельствованных в Абхазии XVII-XIX вв., то у них находятся определенные параллели в исторической Колхиде и древней Малой Азии, Поэтому, нужно полагать, что они искони сохранялись здесь, а не были привнесены извне в относительно недавнем прошлом.

Между прочим, Н.Бердзенишвили одной из главных причин слабости христианства в Абхазии считает незнание основной массой местного населения языков, на которых осуществлялось церковное богослужение (греческий, затем – грузинский), Поэтому, полагал ученый, народ воспринимал христианство по-своему, "по язычески". Это прекрасно объясняет устойчивость традиционных верований абхазов и, почему, после распада единого грузинского государства, когда, практически, исчезли исходившие из его центра православно-культурные импульсы, христианство, глубоко не укоренившееся в Абхазии, стало быстро сдавать свои позиции возрождавшимся традиционным культурам, а позже и исламу.

Таким образом, можно утверждать, что социально-экономический и культурный упадок Абхазии, наступивший после XIII столетия, в целом, вызван теми же известными причинами (не считая некоторых местных особенностей), которые послужили причиной упадка феодальной Грузии. Поэтому, нет повода искать объяснение происшедшему в Абхазии широкой иммиграцией родственной элементов с Северного Кавказа.

* * *

С 1989 г. этнополитический конфликт в Абхазии вспыхнул с небывалой силой. В развернувшемся информационном противоборстве идеологи обеих сторон постоянно ссылались на историю и исторические права. Сообразно политической конъюнктуре появилось много "добровольцев", пишущих на исторические темы. В борьбу включилась и часть профессиональных историков, в том числе и такие, которые до этого не занимались конкретно Абхазией. В Грузии, например, никогда еще столько людей не работало одновременно в области абхазоведения как в настоящее время (90-е гг.). Всё это приводит к большому разнобою в мнениях и радикализму в спорных вопросах истории.

Абхазы главный информационный удар нанесли вокруг событий конца XIX – середины XX в., когда происходило формирование конфликтогенной ситуации в грузино-абхазских взаимоотношениях. Эта эпоха характеризуется значительным ростом численности грузинского населения Абхазии (при этом дело представлялось

таким образом будто до этого грузин там никогда не было) и коммунистическими репрессиями 20-40-х годов.

Грузины тоже писали на эти темы, но главным образом их ответ вылился в пересмотр устоявшихся взглядов об этнической характеристике населения античной и средневековой Абхазии, что в значительной мере сопровождалось реанимацией теории Ингороква.

На данном этапе в подходах к этнической истории абхазов в грузинской историографии обозначились две линии: первая из них полностью базируется на идейном наследии Ингороква, отрицающем присутствие абхазо-адыгского этнического массива на территории Абхазии вплоть до нового времени. Этой линии придерживается подавляющее большинство непрофессионалов, занявшихся решением исторических проблем, а также часть историков и лингвистов. В целом позиции этих авторов очень схожи между собой. Абхазов они считают общностью, сформировавшейся на Северном Кавказе и 200-300 лет назад переселившейся на территорию Грузии. Поэтому, заявляют сторонники этой концепции, потомки этих переселенцев не могут считаться здесь аборигенным этносом. Ввиду своей недвусмысленности и легкодоступности это мнение сейчас широко распространено среди населения Грузии.

Большая часть современных грузинских историков, однако, придерживается концепции, получившей в публицистике название "теория двуаборигенности". Это означает, что ее сторонники на территории Абхазии признают два автохтонных этноса – грузинский и абхазский. В целом эта концепция повторяет основные положения, сформулированные в своё время Н.Бердзенишвили, но его последователи на данном этапе больше стараются писать о превалировании картвельских этнических элементов на территории Абхазии с древнейших времен и ищут новые данные, долженствующие показать массовость миграций с Северного Кавказа. Об особой роли же абхазов в строительстве средневекового грузинского государства, о которой писал Н.Бердзенишвили, сегодня, практически, не говорится (хотя это положение никто не опровергал), как и об их активном участии в культурной циркуляции феодальной Грузии (С.Джанашиа). Пожалуй единственный грузинский автор, который в наше время пишет об этом, - это работающий в Москве историк Г.Цулая.

Сторонники "двуаборигенности" не подвергают сомнению присутствие картвельских племен на территории Абхазии с глубокой древности, что же касается абхазо-адыгских элементов, то для них такая возможность допускается гипотетически (М.Лордкипанидзе, Н.Ломоури, М.Барамидзе и др.). Правда, у некоторых авторов опять встречается тезис о родстве абхазо-адыгов с древними хаттами, что само собой подразумевает факт распространения племен западнокавказской этнической группы в конце каменного и начале бронзового века в южном направлении, вплоть до Северной Анатолии (О.Джапаридзе, Г.Гиоргадзе).

Некоторые историки утверждают, что на территории Абхазии в I тыс. до н.э. не было абхазоязычных племен (Д.Мухелишвили и др.), но апсилов и абазгов, известных в письменных источниках с I–II вв. н.э., большинство ведущих грузинских специалистов причисляет к абхазо-адыгской этнической ветви, правда, с некоторой долей сомнения. Более категоричен в этом вопросе Н.Ломоури, который пишет: "Еще Ив.Джавахишвили и С.Джанашиа не сомневались, что апсилы и абазги – предки средневековых и современных абхазов, ныне же это не может вызывать сомнений, это – единственная научная точка зрения».

Высказано также мнение, что генетически с "современными" абхазами связаны только апсилы, а абазги (абхазы) первоначально были запад-нокартвельским племенем (Т.Гамкрелидзе).

Остальных "племен" Абхазии I тыс.н.э. - санигов и мисимиян - грузинская историография считает несомненно картвельскими. Только у М. Инадзе высказана мысль, что мисимияне могли быть сванско-апсильским объединением (при преобладающей роли сванского компонента), возникшем на стыке двух этнических массивов.

Теорию "двуборогенности" резко критикуют современные последователи Ингорюкв, считающие, как было сказано, абхазов пришлым народом. Отвергают эту теорию и абхазские ученые, которые исходят из полярно противоположных позиций. В современной абхазской историографии считается, что этническая граница между абхазами и картвелами до начала II тыс.-н.э. проходила по р.Ингури, затем отступила к северу, в связи с переходом Цхумской (Сухумской) области под власть мегрельских князей Дадиани, хотя на юге "на протяжении нескольких столетий" оставались "значительные абхазоязычные крестьянские общины" (откуда это известно? - Г.А.). К концу XVII в. абхазы отвоевали земли до Ингури, и этническая граница на этой реке была восстановлена, "приобретя одновременно государственно-политический статус" ("История Абхазии", 1993 г.).

Большинство современных грузинских авторов, говоря о древней и средневековой Абхазии, пишут о массовых переселениях абхазо-адыгских племен с Северного Кавказа. Причем, если по мнению последователей Ингорюкв это происходило в ХУ1-Х1Х вв., то сторонники второй линии говорят о переселениях в I тыс. до н.э. и в первой половине I тыс.н.э., затем - о перманентных миграциях в XIII-ХУШ вв. Современные абхазы рассматриваются этими авторами как прямые потомки этих переселенцев, смешавшихся с местным грузинским и грузинизированным населением. Вначале основной массой мигрантов считались представители адыгских племен, но в последнее время больше пишут об абазинах, как наиболее близких абхазам в этническом отношении. (Протоабхазо-адыгская общность распалась, как считают, в конце III - первой половине II тыс. до н.э., поэтому, абхазы не могут быть потомками средневековых адыгов).

Выше мы отмечали, что в XIII-ХУШ вв. превалировал процесс оттока населения из Абхазии на Северный Кавказ. Ничего не сообщают о миграциях с севера в конце I тыс. до н.э. или в первых веках н.э. и античные источники. Если бы в позднее средневековье действительно имело место из-за Кавказского хребта масштабное вторжение несколькими волнами, в корне изменившее историческое развитие Абхазии, ее этнический, социально-культурный и хозяйственный тип, то это не осталось бы вне поля зрения многочисленных грузинских письменных источников или иностранных авторов, посещавших страну в этот период.

Что же касается абазин, то начиная от европейских путешественников XVIII в., в кавказоведении прочно утвердилось мнение, что они - выходцы из Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада земель черноморского побережья, исторически также являющегося частью Абхазии (К.Главани, М.Пейсонель, И.Гюльденштедт, Я.Потоцкий, П.Бутков, С.Броневский, Ф.Торнау, Л.Люлье, А.Берже, Н.Каменев, Е.Вейденбаум, Е.Фелицын, Г.Мерцбахер, Н.Бартольд, П.Ковалевский, Ф.Красильников, С.Басария, Н.Яковлев, Л.Лавров, К.Ломтатидзе, А.Генко, Е.Алексеева, Е.Данилова и др.). Это мнение опирается на сообщения письменных исторических источников, прямо указывающих, что абазины происходят из Абхазии; на вполне четких языковых и топонимических данных,

свидетельствующих о том же; и на абазинские предания, называющие конкретные области исторической Абхазии как места первоначального обитания отдельных абазинских групп.

Недаром акад.С.Джанашиа, замечательный знаток Северо-Западного Кавказа, называл абазин "захребетными абхазами".

* * *

В грузинском национальном движении одновременно с резким обострением ситуации в Абхазии в 1989 г. возникло мнение, будто граждане, именующие себя абхазами, делятся на коренных "абхазов (т.е. грузин) и пришлых "апсуйцев" (от апсуа – самоназвания абхазов). Излишне доказывать, что это – абсолютно неверно. Тем не менее, мысль о том, что "абхаз" и "апсуа" по своему содержанию не тождественные понятия, проникла в грузинскую прессу и даже в научную литературу. Сегодня некоторые авторы сознательно избегают употребления термина "абхаз", заменяя его словом "апсуа". Тем самым "апсуйцы" как бы отсекаются от исторических абхазов⁴. Это новое явление прямой результат того разброда мнений по кардинальным вопросам истории Абхазии, который царит сегодня в информационном пространстве Грузии.

В связи с этим хотелось бы отметить, что не существует никаких данных, указывающих на то, что когда либо раньше в Грузии термины "абхаз" и "апсуа" противопоставлялись друг другу или абхазы считались пришлым народом. В древнегрузинских летописях нет даже намёка на это. Образованной части грузинского общества XIX – начала XX в. было известно, что "абхаз" и "апсуа" синонимичные понятия. Можно привести ряд примеров. Сошлемся, в частности, на известного историка и лингвиста, одного из основоположников современной грузинской этнографии М.Джанашвили, который в начале XX в. писал: "абхазы сами себя называют "абс", свою страну – "Абсне" (абх. "Апсны" – Г.А.). В указанный период грузины считали абхазов отдельным, хотя и родственным себе, народом. Общеизвестным было мнение, что абхазы испокон веков проживают в своей стране. Характерны слова выдающегося поэта, общественного и государственного деятеля Григола Орбелиани (1804-1883), который отстаивая интересы абхазского народа во время колонизации Абхазии, проводимой российским правительством, писал: "казна лишала земли тот народ, который здесь проживал со времен Ноя". Это ёмкое замечание прекрасно выражает мнение автора, одного из лидеров грузинской дворянской интеллигенции XIX в., по интересующему нас вопросу.

* * *

Ввиду того, что исторические проблемы – "тревожная" тема в этнических конфликтах, возникает желание вообще обходить их в ходе работы неформальной дипломатии. Однако полностью табуизировать этот вопрос невозможно, так как мифологизированная история играет огромную роль в противостояниях подобного рода, вызывает жгучий интерес среди самых широких слоев населения. Упорное замалчивание конфликтогенных вопросов не способствует их исчезновению. Разумеется следует избегать исторических диспутов, но при необходимости участники народно-дипломатического процесса должны быть готовы сказать веское слово. Поэтому, им нужно иметь правильное представление об основных моментах истории. Достичь этого можно путем ознакомления с апробированной литературой, обобщающими трудами авторитетных ученых. Кроме того, можно устраивать

специальные лекции-беседы по спорным вопросам истории. Вооружившись знаниями легче разрешать сложные ситуации. Например, многих людей, находящихся под влиянием теории Ингороква, часто поражает, что известнейшие историки Грузии придерживались иных взглядов относительно происхождения абхазского народа. Особенно большим авторитетом пользуется у грузин имя И.Джавахишвили. Привлечение его высказываний может значительно изменить ситуацию; да и для многих абхазов окажется внове, что мнения виднейших грузинских историков во многом совпадают с позицией известных абхазских учёных. При этом нужно подчёркивать, что исторические данные не могут служить единственным критерием для определения политического статуса территорий в настоящее время, а также, что все жители страны, независимо от того, относятся они к автохтонной этнической группе или пришлой, равны перед законом и имеют одинаковые гражданские права.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На Кавказе кроме собственно кавказских языков, как известно, давно распространены также индоевропейские и тюркские языки.
2. До 30-х гг. XX в. миграционные теории широко были распространены в исторической науке, так что противоречивые взгляды о передвижениях абхазских племен отнюдь не исключительное явление. Например, прародина грузин мыслилась историками где-то на юге, в Передней Азии. Этой концепции придерживался поначалу и И.Джавахишвили, однако впоследствии он изменил мнение и допустил возможность прихода картвельских племен на территорию современной Грузии с совершенно противоположного направления. "Не явились ли они в Закавказье с севера так же, как абхазские племена, именно этим путем, по-видимому, появившиеся в Закавказье" – писал учёный.
3. Интересно, что П.Ингорква далеко не всегда придерживался такого мнения об историческом прошлом абхазского народа. Вот, что он писал в 1918 г.: "абхазы с грузинами связаны многовековой культурной общностью. Абхазы изначала входили в грузинскую государственную единицу, и абхазское племя, несмотря на свою малочисленность, имеет большие заслуги перед историей Грузии; из Абхазии началось государственное возрождение Грузии (отражением чего является титулатура грузинских царей, которая начиналась так: "царь абхазов и картвелов"), даже грузинская династия была наполовину абхазской, абхазы дали стране не одного и не двух выдающихся личностей (в византийских источниках известен грузинский философ Иоани, абхазец по племени), короче – двадцативековая история Грузии одновременно является и историей Абхазии". Фраза: "даже грузинская династия была наполовину абхазской", ясно указывает, что Ингорква тогда не считал исторических абхазов – грузинами.
4. Из грузинских историков против этой тенденции активно выступает Н.Ломоури.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антелава Н.Г.* Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1949.
2. *Анчабадзе З.В.* Вопросы истории Абхазии в книге П.Ингорква "Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века". // "Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулии АН ГССР", XXVII. Сухуми, 1956.
3. *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959.
4. *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964.
5. *Анчабадзе З.В.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми. 1976.
6. *Барамидзе М.В.* Некоторые проблемы археологии Западного Кавказа в III-I тыс. до н.э. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
7. *Бгажба Х.С.* Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. // "Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И.Гулии АН ГССР", XXVII. Сухуми, 1956.

8. *Бердзенишвили Н.А.* По поводу книги П.Ингороква – "Георгий Мерчуле". // "Мнатоби", литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1956. № 12 (На груз. яз.).
9. *Бердзенишвили Н.А.* Об Абхазии. // *Он же.* Вопросы истории Грузии, т.Ш. Тб., 1966 (на груз. яз.).
10. *Бердзенишвили Н.А.* [Замечания об историческом развитии Абхазии]* // *Он же.* Вопросы истории Грузии. Тб., 1990 (на груз. яз.).
11. *Гамкрелидзе Т.В.* Из истории племенных названий древней Колхиды (К историко-этимологическим взаимоотношениям этнонимов "абхаз-абазг" и "абаза"- "апсуа"). // "Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства". 1991. № 2 (на груз. яз.).
12. *Гиоргадзе Г.Г.* Страна тысячи божеств. Тб., 1988 (на груз. яз.).
13. *Гиоргадзе Г.Г.* Неиндоевропейские этнические группы (хатты, каски) в древней Анатолии по хеттским клинописным текстам. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
14. *Гордезиани Р.В.* Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тб., 1975.
15. *Гулиа Д.И.* История Абхазии, т.1, Тифлис, 1925.
16. *Гунба М.М.* Западная Грузия и Византия в VI-VIII вв. Сухуми, 1962 (на груз. яз.).
17. *Делба М.* К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1952.
18. *Джавахишвили И.А.* Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // "Вестник древней истории", 1939, №4.
19. *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа, книга первая. Четвертое издание. Тб., 1951 (на груз. яз.).
20. *Джанашвили М.Г.* История Грузии, т.1, Тифлис, 1906.
21. *Джанашия С.Н.* Тубал-Табал, Тибарен, Ибер. // *Он же.* Труды", Ш, Тб., 1959 (на груз. яз., рус.резюме).
22. *Джанашия С.Н.* Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. // *Он же.* Труды", Ш, Тб., 1959 (на груз. яз., рус. резюме).
23. *Джанашия С.Н.* Экспедиция в Адыгейскую Автономную область. // *Он же.* Труды, IV, Тб., 1968 (на груз. яз.).
24. *Джанашия С.Н.* [Абхазия в составе Колхидского царства и Лазики. Образование "Абхазского царства"]. // "Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства. 1991. № 2.
25. *Джанаридзе О.М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тб., 1976. (на груз. яз.).
26. *Джанаридзе О.М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989.
27. *Джанаридзе О.М.* К этнокультурной ситуации Северо-Западного Закавказья в эпоху камня и раннего металла. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
28. *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1959.
29. *Инадзе М.П.* Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. // "Известия АН Грузии. Серия истории, этнографии и истории искусства". 1992, №№ 1,2 (на груз. яз.).
30. *Инадзе М.П.* Древнее население Абхазии. // "Мнатоби", 1992, № 2. (на груз. яз.)
31. *Инадзе М.П.* Вопросы этнополитической истории древней Абхазии. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
32. *Инал-ипа Ш.Д.* Об этногенезе древнеабхазских племен. // "VII международный конгресс антропологических и этнографических наук". М., 1964.
33. *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1965.
34. *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов, Сухуми, 1976.
35. *Ингороква П.И.* Георгий Мерчуле // грузинский писатель X в. Тб., 1954 (на груз. яз.).
36. *Ингороква П.И.* О границах территории Грузии. Тб., 1990 (на груз. яз.).
37. История Абхазии. Учебное пособие. Гудаута, 1993.
38. *Каухчишвили С.Г.* Племя мисимиян. // "Труды Тбилисского государственного университета", т.1, Тифлис, 1936.
39. *Куправа А.Э.* Историографический обзор. // З.Анчабадзе, Г.Дзидзария, А.Куправа, История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми. 1986.
40. *Лавров Л.И.* "Обезы" русских летописей. // "Советская Этнография". 1946, №4.
41. *Лавров Л.И.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. // "Сборник статей по истории Кабарды", вып.3. 1954.

42. *Лавров Л.И.* Абазины (Историко-этнографический очерк). // "Кавказский этнографический сборник", 1, М., 1955.
43. *Ломоури Н.Ю.* Симон Каухчишвили. Тб., 1996 (на груз. яз.).
44. *Ломоури Н.Ю.* Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997.
45. *Ломоури Н.Ю.* Из этнокультурной истории древней Абхазии. Тб., 1998 (на груз. яз.).
46. *Ломоури Н.Ю.* Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
47. *Ломтатидзе К.В.* Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тб., 1954 (на груз. яз.).
48. *Ломтатидзе К.В.* О некоторых вопросах этнической принадлежности и размещения абхазов (По поводу работы П.Ингорквва "Георгий Мерчуле". // "Мнатоби", литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1956, №12 (на груз. яз.).
49. *Марр Н.Я.* О языке и истории абхазов. М.-Л. 1938.
50. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тб., 1959.
51. *Лордкипанидзе М.Д.* Абхазы и Абхазия. Тб., 1990.
52. *Мухелишвили Д.Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии, 1, Тб., 1977 (на груз. яз.).
53. *Мухелишвили Д.А.* Исторический статус Абхазии в грузинской государственности. // "Разыскания по истории Абхазии/Грузия". Тб., 1999.
54. *Цулая Г.В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995.
55. *Чикобава А.С.* Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик. // "Иберийско-Кавказское языкознание", II. Тб., 1948.
56. *Шакрыл К.С.* К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. // "Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института, IV. Краснодар, 1965.

---

* В квадратных скобках указаны названия, данные редакцией.